

ЭдгарЭ. По

Избранные рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.4
ББК 84-4
П41

П41 **По Э.**
Избранные рассказы / ЭдгарЭ. По – М.: Книга по Требованию, 2013. – 127 с.

ISBN 978-5-458-15133-7

В сборник вошли лучшие рассказы Эдгара Аллана По - великого американского писателя и поэта, создателя детективно-фантастического жанра в литературе.

ISBN 978-5-458-15133-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Что она скажетъ? Что скажетъ эта ужасная совѣсть,—этотъ призракъ идущій по моимъ пятамъ.

Chamberlayne—Pharronida.

Позвольте мнѣ называться Вильямомъ Вильсономъ. Лежащая передо мной чистая и непорочной бѣлизны страница не должна быть замарана моимъ настоящимъ именемъ. Это имя слишкомъ часто было предметомъ презрѣнія, ужаса и отвращенія для моего семейства. Развѣ возмущенныя стихіи не прогремѣли до самыхъ отдаленныхъ уголковъ земного шара его изъ ряду вонъ выходящій позоръ? О, самый отверженный изъ всѣхъ изгнанниковъ! Ты умеръ для этого міра навсегда,—для тебя погибла навсегда надежда на земныя почести, золотыя мечты и цвѣты славы:—и густая, черная, безграничная туча отчаянія вѣчно будетъ омрачать твои надежды...

Мнѣ не хотѣлось бы, если бы я даже могъ это сдѣлать, вспоминать на этихъ страницахъ о послѣднихъ годахъ моего полного паденія и несмываемыхъ преступленій. Въ этомъ недавнемъ періодѣ моей жизни моя порочность и низость достигли крайнихъ предѣловъ, но здѣсь мнѣ хотѣлось бы только опредѣлить начало ихъ зарожденія—и это единственная цѣль моей исповѣди. Вообще люди опускаются постепенно. Что касается меня, то покрывало добродѣтели сразу слетѣло съ меня. Не отличаясь особою порочностью я, идя гигантскими шагами, достигъ геліогабаловскихъ ужасовъ преступленія. Позвольте же мнѣ рассказать подробно, какой случай, какое обстоятельство навлекло на меня это проклятіе. Смерть близка, и ея дуновеніе производитъ на мое сердце смягчающее вліяніе. Пересѣкая мрачную долину жизни, я жажду сочувствія—т. е. я хотѣлъ сказать, состраданія моихъ ближнихъ. Мнѣ хотѣлось бы до нѣкоторой степени убѣдить ихъ, что я былъ рабомъ обстоятельствъ, ускользающихъ отъ человѣческаго контроля. Я бы хотѣлъ, чтобы имъ удалось найти въ приводимомъ мною ниже подробномъ отчетѣ моей жизни хоть маленькій оазисъ „фатализма“ въ Сахарѣ заблужденій. Я

хотѣлъ бы, чтобы они признали—а они не могутъ отказать мнѣ въ этомъ признаніи,—что хотя человѣчество и бывало подвержено страшнымъ искушеніямъ,—но никогда никто не былъ искушаемъ до такой степени, и поэтому не доходилъ до такого паденія. Я думаю, что врядъ ли кто-либо можетъ представить себѣ мои страданія, такъ непохожія на страданія другихъ людей. Но можетъ-быть это была только моя фантазія? Развѣ я не умираю жертвой ужаса и самой загадочной тайны видѣній?

Я потомокъ рода, отличавшагося во всѣ времена легко возбудимымъ темпераментомъ, соединеннымъ съ богатымъ воображеніемъ; и мое раннее дѣтство доказало, что я въ полной мѣрѣ унаслѣдовалъ черты фамильнаго характера. По мѣрѣ того, какъ я росъ, мой характеръ обрисовывался все яснѣе и яснѣе и сталъ, по многимъ основаніямъ, причиной серьезнаго безпокойства для моихъ друзей, и положительнаго предубѣжденія для меня самого. Я сдѣлался своевольнымъ, склоннымъ къ самымъ страннымъ причудамъ и сталъ жертвой самыхъ непреодолимыхъ страстей. Родители мои были слабовольны, сами страдали отъ такихъ же недостатковъ и потому не могли оказать надлежащаго

вліянія, чтобы задержать развитіе моихъ дурныхъ наклонностей. Правда, съ ихъ стороны было сдѣлано нѣсколько слабыхъ, плохо направленныхъ попытокъ въ этомъ отношеніи, которыя окончились для нихъ неудачей, а для меня полнымъ торжествомъ. Начиная съ этого момента, мой голосъ сталъ въ домѣ закономъ; и въ томъ возрастѣ, когда мои сверстники ходятъ еще на помочахъ, мнѣ была предоставлена полная свобода дѣйствій, и я сталъ господиномъ своихъ поступковъ. Мои первыя школьныя впечатлѣнія связаны съ воспоминаніемъ объ обширномъ и причудливомъ домѣ въ стилѣ Елизаветы, находившемся въ мрачномъ англійскомъ мѣстечкѣ, которое славилось своими гигантскими узловатыми деревьями и необыкновенно старинными постройками. И въ самомъ дѣлѣ, это достопочтенное мѣстечко обладало всѣми данными для того, чтобы казаться фантастическимъ. Я какъ сейчасъ могу представить себѣ освѣжительный холодокъ его тѣнистыхъ аллей, ароматъ его рощицъ, и до сихъ поръ сладостный трепетъ охватываетъ меня, когда я вспоминаю глубокій звукъ колокола, всякій часъ врывающагося своимъ страннымъ, металлическимъ мрачнымъ гуломъ въ тишину сѣроватыхъ

сумерекъ, обволакивающихъ зубцы готической колокольни. Въ настоящее время, это перебирание въ памяти мельчайшихъ школьныхъ воспоминаній и мечтаній доставляетъ мнѣ удовольствіе, если возможно говорить объ удовольствіи въ моемъ положеніи. Для меня, придавленнаго несчастьемъ—увы не фантастическимъ, а слишкомъ реальнымъ—извинительны поиски какого-нибудь хотя бы мимолетнаго утѣшенія въ этихъ ребяческихъ и несущественныхъ подробностяхъ. Кромѣ того, хотя они очень обыденны и можетъ быть сами по себѣ смѣшны, они приобрѣтаютъ въ моей фантазіи особое значеніе, вслѣдствіе ихъ связи съ тѣмъ мѣстомъ и съ той эпохой, въ которой я теперь различаю первыя предупрежденія судьбы, съ тѣхъ поръ все больше и больше захватывавшей меня своими когтями. Позвольте же мнѣ подольше остановиться на этихъ воспоминаніяхъ.

Какъ я уже сказалъ, домъ былъ старъ и неправильной формы. Его окружалъ большой пустырь, обведенный высокой и прочной кирпичной стѣной, съ слоемъ известки и битаго стекла наверху. Эта ограда, сдѣлавшая бы честь и тюрьмѣ, была границей нашихъ владѣній; наши взгляды проникали за предѣлы ея только

три раза въ недѣлю,—одинъ разъ въ субботу послѣ полудня, когда намъ позволялась небольшая общая прогулка, и два раза въ воскресенье, когда мы, вытянувшись стройными рядами, какъ войско на парадѣ, шли въ единственную церковь мѣстечка на утреннюю и вечернюю службу. Директоръ нашего училища былъ пасторомъ этой церкви. Съ какимъ восхищеніемъ и недоумѣніемъ смотрѣлъ я, обыкновенно, съ нашей отдаленной скамьи, какъ онъ медленно и торжественно всходилъ на кафедру! Неужели этотъ почтенный проповѣдникъ, съ такимъ скромнымъ и добродушнымъ выраженіемъ лица, въ развѣвающимся, блестящемъ новизною духовномъ одѣяніи, въ тщательно напудренномъ парикѣ, былъ тѣмъ самымъ человекомъ, который только-что съ суровымъ выраженіемъ лица, въ платьѣ съ пятнами отъ табака, съ линейкой въ рукѣ приводилъ въ исполненіе драконовскіе законы школы? О! этотъ парадоксъ настолько чудовищенъ, что исключаетъ всякую возможность его рѣшенія!

Въ одномъ изъ угловъ массивной стѣны скрывалась еще болѣе массивная дверь съ желѣзными засовами, заканчивающаяся наверху рядомъ желѣзныхъ зубцовъ. Она внушала намъ такой страхъ!

Она открывалась только для трех періодических выходовъ и возвращеній, о которыхъ я уже говорилъ; и тогда во всякомъ скрипѣ ея крѣпкихъ петель намъ чудилось что-то таинственное, вызывающее цѣлый міръ серьезныхъ наблюдений и размышленій. Большой пустырь неправильной формы былъ раздѣленъ на нѣсколько частей, изъ которыхъ три, или четыре самыхъ большихъ образовывали рекреационный дворъ. Онъ былъ утрамбованъ и посыпанъ грубымъ пескомъ. Насколько я помню, на немъ не было ни скамей, ни деревьевъ, и само собой разумѣется, онъ былъ расположенъ позади дома. Передъ фасадомъ находился небольшой цвѣтникъ, обсаженный буксомъ и другими кустарниками, но намъ приходилось проходить черезъ этотъ священный оазисъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, при поступленіи въ школу или уходя изъ нея, когда по зову кого-нибудь изъ нашихъ друзей или родственниковъ мы весело отправлялись въ путь къ родительскому очагу на рождественскія или пасхальныя вакаціи.

А самый домъ—какая это была удивительно старая постройка! Для меня онъ представлялся настоящимъ заколдованнымъ дворцомъ. Какое множество въ

немъ всевозможныхъ закоулковъ, клѣтушекъ, поворотовъ. Очень трудно было сказать съ увѣренностью, находишься ли въ первомъ, или во второмъ этажѣ. Для того, чтобы пройти изъ одной комнаты въ другую, нужно было всегда подняться или спуститься по двумъ-тремъ ступенькамъ.

Кромѣ того, онъ до того изобиловалъ совершенно непонятными архитектурными капризами, что наши самые сравнительно точныя представленія относительно общаго плана строенія были очень смутны. Впродолженіе пяти лѣтъ моего пребыванія въ школѣ, я никогда не могъ съ точностью опредѣлить, въ какомъ мѣстѣ зданія была расположена маленькая спальня гдѣ я помѣщался вмѣстѣ съ восемнадцатью или двадцатью другими учениками.

Классная была самой большой комнатой въ домѣ—и какъ мнѣ казалось, даже въ цѣломъ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, я не могъ себѣ иначе представить ее.

Она была очень длинна, очень узка и низка, съ стрѣльчатыми окнами и дубовымъ потолкомъ. Въ отдаленномъ углу, бывшемъ для насъ источникомъ ужаса, помѣщалась четырехугольная ограда въ восемь или десять футовъ, представляв-

шая собою sanctum нашего принципала доктора богословія Брансби, во время классныхъ занятій. Она была выстроена очень прочно и въ нее вела массивная дверь; мы скорѣе согласились бы умереть, чѣмъ открыть ее въ отсутствіе domini. Въ двухъ другихъ углахъ находились подобныя же помѣщенія, хотя и не внушавшія намъ такого же благоговѣнія, но тѣмъ не менѣе наводившія на насъ страхъ; одно изъ нихъ было каеедрой учителя словесности, другое—каеедрой учителя англійскаго языка и математики. По всей залѣ были разсѣяны многочисленные скамьи и пюпитры, заваленные книгами съ грязными слѣдами пальцевъ; они шли неправильными рядами, которые перекрещивались во всѣхъ направленіяхъ;—всѣ они были выкрашены въ черную краску, но до такой степени потерты отъ времени, до такой степени изрѣзаны и испещрены заглавными буквами, цѣлыми именами, карикатурами и другими произведеніями перочиннаго ножа, что совершенно потеряли свою прежнюю форму. Въ одномъ концѣ залы стояла огромная бочка съ водой, а въ другомъ—возвышались стѣнные часы солидныхъ размѣровъ.

Находясь въ заключеніи за крѣпкими

ствѣнами этого почтеннаго учебнаго заведенія, я проводилъ въ немъ годы третьяго пятилѣтія моей жизни безъ особаго отвращенія и скуки.

Для того, чтобы занять, или заинтересовать воспріимчивый мозгъ ребенка, вовсе не нужно богатства впечатлѣній внѣшняго міра, и кажущееся мрачное однообразіе школы давало матеріалъ для такихъ сильныхъ возбужденій, которыхъ я не могъ найти впослѣдствіи ни въ развратѣ моего юншества, ни въ преступленіяхъ зрѣлаго возраста. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что мои первые шаги интеллектуальнаго развитія были неправильны и неуравновѣшены.

Вообще говоря, отъ воспоминаній дѣтства у зрѣлаго человѣка не остается никакого строго опредѣленнаго впечатлѣнія. Все представляется какъ бы въ туманѣ—сохраняются лишь слабыя и неясныя воспоминанія о маленькихъ удовольствіяхъ и фантазмагорическихъ страданіяхъ. Со мною было наоборотъ. Въ моемъ дѣтствѣ я воспринималъ уже съ энергіей зрѣлаго человѣка все то, что и теперь еще прочно и отчетливо запечатлѣно въ моей памяти.

А между тѣмъ въ дѣйствительности, съ обыкновенной житейской точки зрѣ-